

28

5. I. 91

— Прошедший год был для вас юбилейным, состоялась ваша выставка в Манеже, много внимания уделили вам пресса, Центральное телевидение, вашу выставку в Ленинграде посетил Патриарх Всея Руси Алексий, в Ватикане вас принял глава католической церкви папа Иоанн Павел II, чувствуете ли вы себя счастливым!

— «На свете счастья нет, но есть покой и воля», — говорил великий Александр Сергеевич Пушкин. Но у меня нет покоя, как, наверное, у каждого из нас. Было бы кошунственно и вольнодумно говорить о счастье в такой трагический час, когда в стране вводятся карточки, когда народ некогда великой державы доведен до полного отчаяния. В это тяжелое для нас время мы, русские, должны быть мобилизованы своею совестью служить, как солдаты, святой идее возрождения Отечества.

Я хотел бы сегодня напомнить, что император Александр I давал отличившимся солдатам особое знамя — штандарт, на котором было написано «За стойкость при поражении». Мне кажется, что эта награда была бы самой высокой наградой для тех, кто не потерял веру, у кого не опустились руки, кто, несмотря на обстоятельства, исключая всякую личную активность и сопротивление, сопротивляется, идет своим путем и думает о благе своего народа. И когда вы называете зримые вехи моих общественных успехов и спрашиваете меня, чувствую ли я себя счастливым; я вам должен сказать: сегодня нельзя быть счастливым, несмотря на то, что король Испании оказал мне большую честь и позировал мне, для меня мало того, хотя я горжусь этим, что глава католического мира папа Иоанн Павел II был доволен своим портретом, написанным мной в Италии в очень короткий срок. По вечерам, когда я работал над портретом, я буквально держался за стены от усталости и ложился спать, молясь о том, чтобы дожить до завтрашнего дня. Но я был рад, что студенты Всероссийской академии художеств, которые приехали со мной, в это время ездили по Италии и знакомились с источниками вечной культуры Высокого Ренессанса. Я радовался тому, что молодые художники, вырвавшись из деревень, из дымных городов с домами-коробками, видели то, что видели Иванов, Брюллов, Гоголь.

Я горд тем, что во время своей выставки в Киеве мы с моим другом Киркевичем осуществили задачу возрождения надгробия на могиле великого политика, провидца и патриота Столыпина. Сегодня уже никто не вспоминает, что кое-кто из ретивых журналистов когда-то ставил мне в упрек, что я люблю премьер-министра Нико-

лая II Петра Аркадьевича Столыпина. Его идеи теперь восприняты, и хвала ему звучит в речах многих реалистически и патриотически настроенных деятелей политики и экономики нашей страны.

С моей точки зрения, самое страшное — это видеть, как страна превращается в колонию, как великие ресурсы, великие человеческие возможности, богатства, накопленные народом, развеяны по ветру, а мы по-прежнему облагаемся тяжким налогом, если только вздумаем проявить инициативу, и, будучи связаны по рукам и ногам, раздетые, избитые, слышим, лежа на земле: русские не умеют работать, патриотизм — это идеология негодяев... Благодаря началу перестройки, которую мы все так радостно встретили, не зная, во что это обратится, мы сегодня можем говорить, писать, творить что угодно. Казалось бы, у нас есть свобода, но нет правды. Искусствоведы по-прежнему пишут о мнимой элитарности искусства, пытаюсь отделить народ, общество от художника. Мы слышим по-прежнему, что у пролетариев нет своего отечества. Попробуйте, например, финскому, израильскому или японскому рабочему сказать, что у него нет отечества, что из этого выйдет? А мы верили в этот ядовитый дурман, и многие верили всерьез. Как верят в то, что существует какой-то новый подлинный современный язык искусства. А небо над нами такое же вечное и такое же прекрасное, как над древними героями Эллады или над полем Бородина. И уже новому поколению внушают учителя, что история — это борьба классов. А как же быть с классовой теорией на поле Куликовом? Ведь это противоречит естеству человека. Это неправда, как неправда и то, что история семьи, история любви мужчины и женщины есть история личных ссор. История — это содружество классов, которое не может быть нарушено случайными или инспирированными конфликтами, как семья есть единение, которое не может быть нарушено ссорами, если это подлинная любовь.

Не может быть свободы без правды. И как я могу быть счастливым, если я видел слезы позора героев Великой Отечественной войны, когда они получали подарки от победенных — несколько сосисок и сухое молоко?..

— Вы путешествуете со своей выставкой по стране, были в Ленинграде, в Нижнем Новгороде, в Киеве, Воронеже, Самаре. Что, на ваш взгляд, больше всего волнует людей?

— Как раньше, так и теперь меня часто приглашают за рубеж. Еще в годы застоя Министерство культуры предлагало мне такой выбор: сделать выставку в Афинах или в Иванове.

Я предпочел тогда Иваново, как и в этом году я предпочел передвигаться со своей выставкой по стране приглашению поехать на три-четыре года в Австралию, в Америку и писать там портреты. Я не могу покинуть поле боя, как и многие мои товарищи, которые следуют пушкинскому завету — сочетать личное творчество с общественным служением.

Почти все мое время уходит на то, чтобы я пробивал, как у нас говорят, просил, выколачивал все, что необходимо для создания Всероссийской академии художеств. Как мне пришлось в мой юбилейный год ходить и пробивать мою выставку в Москве. Я был очень

Илья ГЛАЗУНОВ:

сти доходов от моей выставки пошла на нужды студентов Всероссийской академии художеств. Другая часть досталась Министерству культуры — ВХПО имени Вучетича, а из остатка, учитывая абалкинский налог, перепадет и мне кое-что за труды долгих лет работы. В годы застоя я был на последнем месте по закупкам Министерства культуры (а тогда очень любили привилегированных художников, каковым меня так любят называть), и сегодня за четыре года не куплена ни одна моя картина. А когда я спросил министерских работников — а вдруг никто не придет на мою выставку, как же я заплачу четверть миллио-

Соб. Киркевичем. — 1991. — 58 руб. — 0,4.

«ВЫШЕ ГОЛОВУ, БЛИЖНИЕ!»

удивлен, когда мне предложили за аренду помещения Манежа заплатить двести шестьдесят тысяч рублей. Я никогда не видел вместе собранной такой суммы денег. Как же я их отдам, думал я, если никто не придет на выставку? Министр культуры СССР Н. Губенко очень талантливый актер, которому неизвестный нам режиссер теперь поручил ответственную и трудную роль министра, долго склонял меня отдать всю выручку на Библиотеку имени Ленина, но не пришел даже на открытие моей выставки. И я думал, почему впервые за всю историю Советской власти с художника требуют такие огромные деньги только за то, чтобы он — юбиляр — показал свои картины народу? Ведь никому же не пришла в голову мысль любимому всеми нами певцу Ивану Семеновичу Козловскому разрешить юбилей на том основании, что он позолотит ложи Большого театра или прильет пятого коня на квадрию его фронтона. Никто не заставлял платить деньги за свой концерт Ростроповича, а, наоборот, — платили ему. И тот же министр культуры ворвался первым в самолет, на котором прилетел прославленный музыкант, и потом восторженно нес его в самолет. И я с большим трудом добился, чтобы одна треть из поделенных на три ча-

на за аренду Манежа, мне сказали: Илья Сергеевич, если никто не придет, то у вас останутся картины, у вас люстра красивая и книги дома есть, вот мы все это реализуем и оплатим. Я об этом говорю, чтобы подчеркнуть: мой юбилей отпраздновал народ — те, кто пришел на мою выставку, и мои друзья, организовавшие мне юбилейный вечер. На встречах со зрителями в самых разных городах я видел все те же родные лица, я чувствовал все ту же доброжелательную атмосферу и думал: боже мой, я не зря прожил свою жизнь, потому что я многим нужен. А для художника нет большей радости, когда он видит, что его искусство нужно людям.

Я только что вернулся из Самары, городу вернули его исконно русское имя в день открытия моей выставки. И вот я ехал к Самаре и видел бескрайние горизонты России, леса, долины, реки, Волгу и думал: какая великая держава, ну какими же надо было быть гениями зла, чтобы довести ее до голода и вырождения! И об этом же думают люди, с которыми я встречался на своих выставках в Воронеже или в Самаре, в Петербурге или в Нижнем Новгороде, — везде я видел одни и те же восторженные глаза, слышал одни и те же горькие во-

И. Глазунов. «Гимн героям».

просы: что с нами будет, что же нам делать, сможет ли наша многострадальная Россия подняться с колен и перестать быть донором для других народов, которые неблагодарно ее оплевывают и осмеивают, развивая кампанию русофобии? Сегодня всех мучают эти вопросы.

Меня спрашивают также, почему закрыты Третьяковская галерея и Исторический музей в Москве, почему полузакрыт Русский музей в Ленинграде, чем объяснить, что Россия, продавая свои богатейшие недра, стоит на краю экономической катастрофы, почему народ не имеет никакого контроля над своей землей, над богатствами этой земли? Люди хотят быть хозяевами в своем национальном доме. Памятью заветы столь любимых и уважаемых мною передвижников, я езжу по стране со своей выставкой, и это дает мне силу, независимость и знание того, чем дышит мой народ, частью которого я являюсь.

— От перестройки все ожидали быстрых и радикальных перемен в духовной жизни общества. Что, с вашей точки зрения, для этого необходимо?

— Духовность, с моей точки зрения, и об этом свидетельствует история всех цивилизаций, заложенная в понятии религии. Слово «религия» означает по латыни «связь». Рели-

гия — это связь Бога и человека, связь людей, которые, будучи не равны между собой, имеют идею Бога, перед которой они равны и все Его дети. Тогда для людей существуют понятия добра и зла, совести и греха.

Духовность, о которой все сегодня говорят, лежит в национальных традициях каждого народа. Как ее воскресить сегодня? Во-первых, вернуть уважение к религии. Во-вторых, каждый народ должен знать свою историю. Нельзя говорить о будущем, если не знаешь вчерашний день. История России на деле исключена из нашего преподавания, она изолгана, растоптана. Историю народа нельзя отнять у народа. Это все равно что отнять у детей имя отца и матери, и тогда они, не знаящие материнской улыбки и отцовской ласки, будут безродными, бездомными уголовниками, у которых нет ничего святого. Возрождать духовность — это значит возрождать русскую культуру. Это значит четко сформулировать для себя, что есть русская культура, что есть моральный идеал и какому богу мы поклоняемся, во имя чего живем.

— Какое впечатление произвела на вас встреча Михаила Сергеевича Горбачева с интеллигенцией?

— Я вам скажу откровенно, самое плачевное. Прежде всего я был удивлен, что меня первый и, надеюсь, не последний раз пригласили на такую встречу. Я просил, чтобы мне дали слово, но, к сожалению, я его не получил. Я бы хотел сказать: если мы действи-

тельно хотим возрождения страны, нужно верить в животворящую силу родного народа и не заниматься проблемами, лежащими вне его реального блага. Мы должны искать выход из тупика в опыте родной истории, в потенциях своего народа, а у нас его ищут в совместных предприятиях. Это все равно что пришедшим в загс молодым людям сказать: мы вас с удовольствием распишем, только возьмите в сожителю турка, финна или француза — и это будет совместное предприятие. Молодые люди со слезами на глазах обиженно говорили бы, что они любят друг друга, что они полны сил, не мешайте им создавать семью, а им бы ответили: тогда мы не дадим вам квартиру, тогда по вас ударит абалкинский налог... Почему СП освобождаются от налога, почему нельзя создать народные банки, как создавал Столыпин? Почему нельзя, например, художнику взять из банка деньги, построить мастерскую, организовать выставку, издать свой каталог и вернуть все сполна государству? Почему наши отечественные предприниматели зажатые тисками налогов? Когда кончится эта дискриминация? Почему интеллигенцию вынуждают нахлебничать у государства? Выступали многие, и, как всегда, при всех режимах и правительствах на гребень выступал поэт Евгений Евтушенко. Кто-то из выступавших сказал, что, поговори с армией, Горбачев потерял армию, поговорив с интеллигенцией, потерял интеллигенцию.

Я так не думаю, вижу, как трудно нашему правительству и не следует забывать, кто первым выдвинул светлые идеи перестройки.

Но начинать надо с фундамента, если он прогнил, бесполезно перестилать съехавшую крышу. Надо дать возможности самому народу подняться после жестокого погрома, и те деньги, которые мы платим валютой и золотом иностранцам, платить нашим рабочим, нашим предпринимателям, а крестьянам надо отдать навечно землю, чтобы она переходила по наследству, но без права продажи. Россия уже давно могла бы стать сильной и независимой. Стыдно и горько, что наше союзное правительство не понимает, что, опираясь на творчество своего народа, наша страна может стать сильной и независимой. Я верю, что они искренне этого не понимают, потому что в противном случае они были бы преступниками.

— Мы с вами встретились в сочельник, накануне Рождества. Этот праздник отмечают в Европе как самый лучший праздник в году. В нашем официальном календаре его нет...

— В эту мерцающую звездную ночь, а ведь особенное волнение охватывает нас, когда идет снег, мы с вами говорим о многих драматических странностях нашего бытия. Русская история так переплетена с православием, поэтому Достоевский и сказал: кто не православный, тот не русский. Александр Невский, Дмитрий Донской, патриарх Гермоген, Иоанн Кронштадтский, мученики, святые подвижники — это все реальные люди русской истории, которые общены нашей и зарубежной русской церковью к лику святых. Сегодня мы, как сироты, многое позабывшие. И мне хочется сказать: русские, братья, ближние, выше голову, будет праздник и на нашей улице! Мы должны готовить вместе этот праздник, и дай Бог, чтобы новый год принес нам ярость сопротивления, былую, вернувшуюся к нам государственную мудрость, воплощенную хотя бы в нескольких личностях, которые поведут за собой народ, потому как, я думаю, не народ делает историю, а личности и идеи.

Я читал, как Суворов брал Измаил. Он обвел глазами солдат, стоявших у подножия неприступной крепости, на стенах которой ухмылялись янычары, и звонко, по-мальчишески воскликнул: «Мы — русские, какой восторг! Ура! Вперед!». И Измаил был взят.

Мы — русские, и наш долг сделать все, что принесет реальное счастье, экономическую свободу, духовность и процветание нашему Отечеству.

Беседу вел
Н. ДАНИЛЕВИЧ.